

УДК 027.53

ЛАТЫШСКИЙ СЛЕД В ВЯТЛАГЕ НКВД-МВД СССР

© 2010 г.

Н.Ю. Белых

Вятский госуниверситет (г. Киров)

bva.prof@mail.ru

Поступила в редакцию 09.02.2010

В статье исследуется (на основе архивных материалов) трагическая судьба граждан Латвии, интернированных в июне 1941 года и доставленных в Вятский исправительно-трудовой лагерь (Вятлаг) НКВД СССР (Кировская область) – для содержания в нем в качестве «следственно-заключенных».

Ключевые слова: латыши, граждане Латвии, Вятлаг НКВД СССР, заключенные, уровень смертности.

В течение 1938–1955 годов на специальный учет Вятского ИТЛ (Вятлага) НКВД-МВД СССР были поставлены почти 180 000 человек (по категориям: «осужденные», «следственно-заключенные», мобилизованные в «трудовую армию» и в «рабочие колонны НКВД», «спецпереселенцы», «трудпоселенцы», «спецпоселенцы», «выселенцы», «ссылнопоселенцы»). Не менее половины из них (90 000 человек) могут быть отнесены (в соответствии с действующим ныне российским законодательством) к числу репрессированных по политическим и/или национальным мотивам. Около 18 000 стали жертвами сталинско-советской карательной системы.

В этом скорбном списке – имена более 2500 латышей и жителей Латвии, далее по тексту просто «латыши» [1, с. 492–493; 2, с. 111–123; 3, с. 542–569].

Хронологически в развитии «латвийской темы» Вятлаговского мартиролога прослеживаются (с определенной мерой условности) несколько периодов.

1) Начало 1938 года – середина 1940 года.

В этот период доставлены в лагерь около 350 латышей. Из них умерли (погибли) в лагере – не менее 52. Уровень смертности – не менее 14,9 процента. В эти годы в Вятлаг направлялись, прежде всего латыши, ставшие жертвами этнических «чисток»: в основном – в соответствии с известными решениями Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 июля 1937 года и 31 января 1938 года «Об антисоветских элементах», а также – по указанию НКВД СССР от 30 ноября 1937 года. Это так называемые «контрреволюционные националистические элементы из числа лиц латышской национальности, проживающие на терри-

тории СССР», политэмигранты, потомки дореволюционных переселенцев из Латвии в другие местности бывшей Российской империи и т.п.

Решения о применении репрессий выносились, как правило, во «внесудебном порядке» («особыми совещаниями» и «тройками» ОГПУ-НКВД) с жесткими карательными санкциями – от 5 до 10 лет «лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях».

Основные обратные адреса этапирования – Смоленская область (с районами, отошедшими позднее к Калужской и Псковской областям), Ленинградская область (включая Новгород и Псков), Горьковская (Нижегородская) область, Москва и Московская область, а также другие (всего более 30) регионы СССР – от Подолья на западе до Приморья на востоке и от Петрозаводска на севере – до Алма-Аты на юге. Несколько бывших граждан Латвии, репрессированных еще в первой половине 1930-х годов за «шпионаж» и «контрреволюционную деятельность», доставлены в Вятлаг из Соловецкой тюрьмы особого назначения НКВД СССР (СТОН, Архангельская область) – при ее расформировании в конце 1939 года.

Находились среди доставленных в это время в лагерь и латыши – жители Вятского края. Известно, что край этот издавна являлся территорией ссылки для лиц, негодных сменявшим друг друга в России правителям и режимам. Лиц таких всегда набиралось немало, в том числе и в западных регионах империи, включая Прибалтику. Латышская «колония» традиционно являлась одной из наиболее представительных среди национальных общин в Вятке (Кирове). Кроме того, в начале XX века, в период «столыпинских реформ», на территорию ны-

нешних северо-западных (Мурашинского и Опаринского) районов Кировской области (ранее – Северный край, затем – Архангельская область) было переселено немало прибалтов – эстонцев и латышей. Эти люди освоили обширные пространства по притокам рек Кузюг и Молома, а затем показали отличный пример того, как надо распоряжаться этой землей: держали молочных коров, занимались бортничеством и овцеводством; из зерновых культур выращивали преимущественно ячмень, который на корню скупали архангельские (устюжские) и вятские (слободские) пивовары. На карте края появились такие названия, как разъезд Латышский, лесопункт Нацменовский, а позднее (в 1930-е годы) – колхозы «Нацмен», «Интернационал», «Новая деревня»... После «зачисток» 1930-х годов и военного лихолетья «прибалтийские» хутора и поселения опустели, затянулись бурьяном, а затем покрылись зарослями осины, березы, ели... [4, с. 60].

«Зачистки» основательно прошли по всей латвийской диаспоре в бывшем СССР и привели к тому, что ее численность сократилась со 151 000 человек в 1926 году до 128 000 – в 1939 году [5, с. 122–123].

Это был самый тяжелый (исключая первые годы войны) период в истории Вятлага – время его создания. Все приходилось начинать с нуля: прием и размещение осужденных, подбор кадров, строительство лагпунктов и прилегающих к ним поселений для сотрудников, производственное освоение местности в тайге, прокладку железной дороги... Впоследствии эту магистраль (от станции Верхнекамской до села Усть-Кулом на реке Вычегде в Республике Коми) длиной около 260 километров планировалось, видимо, использовать для осуществления проекта «поворота северных рек». На Вычегде и Печоре намечалось возведение плотин с электростанциями. Однако этот проект еще до войны был признан «порочным», и вместо него решили начать «особое строительство НКВД № 4 оборонного значения» – сооружение Кайского целлюлозного завода (ныне – поселок Созимский Верхнекамского района). Анархии и беспорядка в это время в лагере «хвatalo через край». Арестантов («рабсилу» или «исполнителей программы») тогда не жалели: их поступало предостаточно [6, с. 293–294].

2) Вторая половина 1940 года – середина 1941 года.

Среди вновь доставленных в лагерь – жители Латвии, репрессированные после вступления в нее советских войск и провозглашения Латвийской ССР: государственные служащие, со-

трудники правоохранительных и силовых структур упраздненного режима, офицеры и младшие командиры латвийской армии, бывшие функционеры запрещенных политических партий и общественных организаций, члены семей всех перечисленных категорий и т.п. – всего около 150 человек. Продолжают прибывать в Вятлаг и лица, интернированные в предшествующее время (бывшие партийные, советско-административные и хозяйственные работники, военнослужащие Красной Армии и другие «лица латышской национальности»). Основные составы обвинений: «сотрудничество с международной буржуазией» (пункт 4 статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года), «шпионаж» (пункт 6 той же статьи), «участие в контрреволюционных организациях и партиях» (пункт 11), «борьба против революционного движения» (пункт 13). Среди субъектов уголовной репрессии (наряду с «несудебными органами») более заметна роль судов общей юрисдикции и специальных судебных коллегий (включая Военную коллeгию Верховного суда СССР), что можно объяснить особым и высоким должностным положением и общественным статусом целого ряда «объектов» применения «революционной законности».

Умерли в лагере в период с июля 1940 года по июль 1941 года (включительно) – 12 латышей.

3) Вторая половина 1941 года.

Самое значительное за всю историю Вятлага поступление в лагерь репрессированных жителей Прибалтики, прежде всего – Латвии. Особо выделяются три массовых этапа: 9 и 13 июля 1941 года – из Юхновского ИТЛ НКВД СССР (бывший лагерь для польских «военнопленных», располагавшийся на территории ранее Смоленской, ныне Калужской области), а также 10 июля – из Риги. В составе этих этапов – интернированные в середине июня того же года (во исполнение постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1941 года), отнесенные (в основном) к категории «А» (главы семей «социально опасного элемента»). Некоторое число латышей было доставлено в Вятлаг в последующие месяцы 1941 года – в составе заключенных, эвакуированных из лагерей и тюрем НКВД, которые оказались в прифронтовых зонах: Беломорско-Балтийский комбинат (Карелия), Свирьлаг (Ленинградская область) и др. Все эти этапы прибывали в крайне тяжелом физическом состоянии и принесли с собой резкий рост заболеваемости и смертности в лагере. Последний крупный этап 1941 года прибыл в Вятлаг 29 декабря из Кировской пересыльной

тюрьмы, он состоял преимущественно из интернированных в июне жителей Эстонии, но среди них находилось также несколько уроженцев и граждан Латвии.

Доставленные в Вятлаг 9, 10 и 13 июля 1941 года латыши (2791 человек) были размещены (за единичными исключениями) на 7-м лагерном пункте, расположенном у линии железной дороги (бывший поселок Ягодный, в настоящее время ликвидирован и разрушен) – в 6 километрах севернее центрального поселка лагеря («Соцгородок» – Лесной). Все вновь прибывшие были взяты на специальный учет по категории «следственный контингент» – как обвиняемые в «контрреволюционной деятельности» (по составам статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР) и/или как «СОЭ/СВЭ» («социально опасный/социально вредный элемент») – по статье 35 УК.

Производство следствия по делам этой категории заключенных было возложено на специальную группу НКВД Латвийской ССР; руководитель группы – капитан государственной безопасности Я.Я. Веверс (опытный чекист, ранее занимавший ответственные должности в территориальных и центральных органах НКВД СССР, впоследствии – генерал-майор госбезопасности, председатель КГБ Латвийской ССР [7, с. 334]. Материалы следственных дел (включая постановления об избрании меры пресечения – аресте) оформлялись, как правило, в Вятлаге, «постфактум» (осенью 1941 года), то есть с грубыми нарушениями установленных законом уголовно-процессуальных норм.

Из общего количества доставленных в Вятлаг этапами 9, 10 и 13 июля 1941 года:

- не менее 114 человек (4.1 процента) в октябре-ноябре 1941 года были приговорены постоянной сессией судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда при Вятлаге к «высшей мере социальной защиты/уголовного наказания» (расстрелу) и отправлены 10 ноября 1941 года в тюрьму № 1 города Кирова – «для приведения приговора в исполнение», большинство из них расстреляно в январе 1942 года [8, с. 161–176];

- не менее 1600 человек (57.3 процента) умерли в 1941–1943 годах до вынесения решений по следственным делам, то есть до формального юридического оформления уголовно-го наказания;

- не менее 574 человек (20.6 процента), подвезенных в 1941–1943 годах (как правило, заочно и в несудебном порядке – Особым совещанием при НКВД СССР) различным срокам лишения свободы, умерли в лагере до освобождения;

- остальные 492 человека (17.6 процента) были освобождены досрочно («по состоянию здоровья», «условно» и т.п.), «по истечению сроков наказания» либо отправлены «за пределы Вятлага» (в другие лагеря, в ссылку и по «иным основаниям»);

- 11 человек (0.4 процента) зарегистрированы как «прибывшие в Вятлаг», однако, по невыясненным пока причинам, учетные данные на них (карточки, личные дела) в архиве лагеря отсутствуют [2, с. 115].

Таким образом, достоверно установленные общие «безвозвратные потери» среди доставленных в Вятлаг этапами 9, 10 и 13 июля 1941 года жителей Латвии составили не менее 2288 человек, или 82 процента от числа «прибывших и поставленных на спецучет». Показатель экстраординарный – даже для статистики военных потерь [9, с. 478]. В советском (да и в современном) «гулаговедении» имелись (и во многом сохранились) свои оценки на сей счет [10, с. 174]. Но совокупность фактов и свидетельств (в том числе – из документальных материалов Вятлага) убеждает: гибель в ГУЛАГе для его узников в 1941–1943 годах была отнюдь не менее вероятной, чем для солдат на передовой.

4) Конец 1941 года – 1944-й год.

Зафиксировано относительно небольшое число доставленных в Вятлаг «лиц латышской национальности» и жителей Латвии (около 200 человек). В основном – это военнослужащие Красной Армии, а также лица из числа эвакуированных с территории Латвии перед ее оккупацией германскими войсками. Отправные пункты этапирования: Вологда, Ярославль, Киров, Иваново, Горький (Нижний Новгород) и другие города Северо-Запада и Центра России. Среди оснований применения уголовной репрессии преобладают обвинения по составам «контрреволюционных преступлений», предусмотренных пунктом 1-б статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР («измена Родине, совершенная военнослужащим») и пунктом 10-2 статьи 58 («антисоветская пораженческая агитация в условиях военного времени»). Основные субъекты репрессий: военные трибуналы общевойсковых объединений и подразделений (фронтов, флотов, армий, корпусов, бригад, дивизий, гарнизонов и т.п.); действовавшие по территориальному принципу (в республиках, краях, областях, фронтах и округах) военные трибуналы войск НКВД, а также транспортные трибуналы (железных дорог и водных бассейнов). Сроки уголовных наказаний составляют, как правило, не менее 10 лет лишения свободы с

последующим поражением в гражданских правах.

Этот период отмечен наиболее высокой смертностью среди узников Вятлага, прежде всего – по контингенту «контрреволюционные элементы», к которым причислялось и подавляющее большинство заключенных-латышей. За время с ноября 1941 года по декабрь 1943 года в лагере погибли не менее 2060 человек из этой категории, что составляет почти 81 процент от общего числа жертв среди латвийского «спецнаселения» Вятлага. Данные выборочного анализа документов из архивных личных дел заключенных-латышей (актов о смерти) свидетельствуют, что преобладающими причинами смертности являлись: поражения органов дыхания (пневмония, туберкулез легких и др.) – 55.1 процента всех случаев; физическое истощение (авитаминоз, пеллагра, дистрофия) – 51.7 процента; патологии сердечно-сосудистой системы (миокардит, артериосклероз и т.п.) – 48.2 процента; заболевания органов пищеварения (колит, энтерит и др.) – 27.6 процента (как правило, в актах о смерти зафиксировано не менее двух «летальных» диагнозов).

Преобладание среди причин смертности респираторных заболеваний можно (в определенной степени) объяснить небывало суровой зимой 1941–1942 годов. Эта зима до сих пор считается самой холодной за весь период метеонаблюдений в Вятском крае и в Кировской области. Средняя температура воздуха в ноябре 1941 года – марте 1942 года составила минус 15.1 градуса по Цельсию, что почти на 5 градусов ниже нормы. Очень холодными были декабрь 1941-го и январь 1942 годов (на 6–9 градусов ниже средних показателей). Например, с 16 по 25 января 1942 года непрерывно наблюдались температуры ниже минус 26 градусов, а в отдельные дни морозы доходили до 40 градусов. В эту же зиму выпало очень мало снега – в среднем всего 53 миллиметра в месяц (при «нормальных» значениях – 66 миллиметров) [11, с. 96].

Однако не только (и не столько) природно-климатические факторы сыграли главную зловещую роль в судьбе тысяч жертв Вятлага. Истинные причины их гибели гораздо глубже и многообразнее. Они заложены в самой советско-сталинской лагерной системе, в ее изначальной заданности не на собственно пенитенциарные цели (исправление, перевоспитание, социальную и моральную реабилитацию правонарушителей), а на жестокую кару, по сути – расправу над попавшим в гугаговские тенета человеком, унижение, отчуждение, нравственное, а зачастую – физическое его уничтожение.

Это – антигуманизм в одном из самых крайних, отчетливых и откровенных своих проявлений.

Следует отметить, что, несмотря на чудовищные условия содержания в военные годы, каких-либо попыток организованного сопротивления властям среди латышей в Вятлаге не зафиксировано. Хотя в других лагерях такого рода явления имели место среди отдельных (в том числе национальных) категорий заключенных. Всего за 1941–1945 годы в ГУЛАГе были «выявлены» среди «спецконтингентов» 603 «антисоветские организации и группы» с участием в них 4640 человек [12, с. 69]. Дела о «подпольных антисоветских организациях» разрабатывались и оперативно-чекистским отделом Вятлага: «группа Улманиса – Зариня» (оба умерли в лагере), «группа немцев-эмигрантов» (6 человек, все приговорены к расстрелу), «группа Панина» (28 человек, все подвергнуты длительным дополнительным срокам лишения свободы) и т.п. [13, с. 140]. Однако обвинения при этом были явно натянутыми и не имели объективной доказательной базы.

5) 1945–1955 годы.

Вновь – поступление в Вятлаг массовых этапов с «латвийским спецконтингентом». Общее количество заключенных-латышей, этапированных в Вятлаг в этот период, составило не менее 2500 человек. В «категорийном» их составе (имея в виду репрессированных за «контрреволюционные преступления») преобладают:

в 1945 году – выявленные на ранее оккупированных нацистской Германией и ее союзниками территориях так называемые «коллорационисты» («лица, служившие в специальных воинских формированиях вермахта и СС»), «полицейские», «пособники оккупантов» и т.п.);

в 1946 году и в последующее время – «участники националистического антисоветского подполья» на территории Латвии, «члены националистических бандитских формирований», «бандпособники» и члены их семей.

Наиболее распространенные составы обвинений: «измена Родине» (пункт 1-а статьи 58 УК РСФСР), «недонесение о контрреволюционном преступлении» (пункт 12 той же статьи), «бандитизм» (пункт 3 статьи 59 УК). Доминирующая мера уголовного наказания: 25 лет лишения свободы с поражением в гражданских правах и конфискацией личного имущества.

В общем числе вновь поступающих в лагерь заключенных заметно увеличилась категория осужденных за «общеуголовные» и «бытовые» преступления. Несколько изменился (в сторону омоложения) возрастной состав «спецконтин-

гента». Эти обстоятельства, а также ряд других причин вызвали известное осложнение криминальной обстановки, а в ряде лагерных пунктов (19-й и 21-й отдельные лагпункты (ОЛПы), 5-й Комендантский лагпункт и др.) привели в 1953–1954 годах к серии массовых беспорядков и случаев организованного неповиновения. Однако сколько-нибудь заметной роли в организации этих акций заключенных-прибалтов (включая латышей) специальные следственные органы не выявили [13, с. 141].

21 февраля 1948 года Совет Министров СССР принял постановление № 416-159сс «Об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по отбытию наказания на поселение в отдаленные местности СССР» [14, с. 326–327], в соответствии с которым в МВД СССР создаются особые лагеря, предназначенные для содержания «диверсантов, националистов и участников антисоветских организаций» (приказ МВД СССР от 28 февраля 1948 года № 00219) [14, с. 328–330]. 16 марта этого же года принимается совместное решение МВД, МГБ и Генерального прокурора СССР (приказ № 00279/00108/72сс) «Об организации особых лагерей и тюрем МВД для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении последних по отбытию наказания в ссылку на поселение под надзор органов МГБ» [14, с. 336–340]. Для реализации этой директивы были предназначены несколько особых лагерей: Минеральный (Коми АССР), Горный (Красноярский край), Дубравный (Мордовская АССР), Степной, Песчаный и Луговой (Казахстан, Карагандинская область), Береговой (Магаданская область), Озерный (Иркутская область) и другие (приказ МВД СССР от 10/11 мая 1948 года № 00508) [14, с. 340–341]. Поскольку к категориям «государственных преступников» причислялась значительная часть содержащихся в Вятлаге в эти годы латышей, многие из них были отправлены во вновь созданные особые тюрьмы и лагеря. Так, из числа депортированных в июне 1941 года были отправлены (за 1949–1951 годы): в Песчаный ИТЛ – 45 человек, в Минлаг – 29, в Луговой ИТЛ – 13, в Дубравный ИТЛ – 5, в другие лагеря и в вечную ссылку (на поселение) – 58, всего – 168 человек [3, с. 545].

Освобождение же из лагеря в эти годы носило, как правило, «условный» характер. Например, количество «освобожденных» в этот период латышей (266 человек из категории «осужденные») составило менее 9.8 процента от общего списка доставленных в июле 1941 года в

Вятлаг интернированных жителей Латвии. При этом право возвращения из Вятлага непосредственно к прежнему месту жительства (в Латвию) получили из них лишь 39 человек (чуть более 1.4 процента от числа этапированных в Вятский ИТЛ и менее 14.7 процента – от общего состава «освобожденных» из этой категории заключенных). Количество же «освобожденных» по категориям «подследственные» и «осужденные» (296 человек) составляет около 10.8 процента от общего списка доставленных в июле 1941 года в Вятлаг интернированных жителей Латвии. Из них право возвращения непосредственно к прежнему месту жительства получили те же 39 человек – менее 13.2 процента от общего состава «освобожденных». Число латышей, умерших в Вятлаге в 1945–1956 годах, – 55 (2.3 процента к общему количеству летальных случаев среди этой категории заключенных за 1938–1956 годы) [2, с. 120].

Всего же за период с февраля 1938 года по начало 1956 года в Вятлаг были доставлены около 6000 латышей, репрессированных по политическим мотивам. Из них умерли в лагере и расстреляны – не менее 2544 человек, то есть не менее 42.4 процента от числа поставленных на специальный учет в Вятлаге. В общем количественном составе мартиролога Вятлага (18 000 персоналий) на долю «лиц латышской национальности» (2213 человек, включая латгальцев) приходится не менее 12.1 процента. По численности латыши составляют в этом мартирологе третью – после русских (8131 человек, 44.6 процента) и немцев (2310 человек, 12.7 процента) – национальную категорию (из более чем 80 этнических номинаций). А жители Латвии в целом (2336 человек, 12.8 процента) представляют собой наиболее многочисленную (в территориальном аспекте) общность жертв Вятлага – среди обитателей более чем 150 других регионов бывшего СССР (республик, краев и областей) и 20 зарубежных стран [2, с. 113].

В августе 1995 года на окраине административного центра Вятлага – поселка Лесного – рядом с гражданским кладбищем установлен 6-метровый латинский крест из просмоленного соснового бруса, у подножия которого в бетонное основание вмурована металлическая плита с надписью на латышском, русском и английском языках: «Гражданам Латвийской Республики – жертвам коммунистического террора (1941–1952). Латвия 1995». Этот крест-памятник сооружен инициативной группой из Латвии во главе с И. Кнагисом и А.-Э. Пушкевичсом (сыновьями погибших в Вятлаге в 1941–1942 годах) и

остается единственным мемориальным свидетельством совсем недавней, но почти забытой ныне трагической истории этого лагеря.

Список литературы

1. Стродс Х. Латвийский мартиролог Вятлага (1938–1956). Рига, 2006. 519 с.
2. Веремьев В.И. Латыши в Вятлаге: опыт социально-демографического анализа // Проблемы истории российских спецслужб. Киров, 2004. С. 111–123.
3. Бердинских В.А. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005. 768 с.
4. Маракулин П. Земля художников // Вятка: Краеведческий сборник. Вып. V. Киров, 1981. 176 с.
5. Смирин Г. Основные факты истории Латвии. Рига, 1993. 167 с.
6. Бердинских В.А. История одного лагеря. М., 2001. 432 с.
7. История Латвии: XX век. Рига, 2005. 370 с.
8. Ежегодник Латвийского музея оккупаций. 2001. Рига, 2002. 215 с.
9. Урланис Б.Ц. История военных потерь. СПб., 1994. 558 с.
10. Кузьмин С. Лагерники (ГУЛАГ без ретуши) // Молодая гвардия. 1993. № 5–6.
11. Климат Кирова. Л., 1982. 215 с.
12. Земсков В.Н. ГУЛАГ, где ковалась победа // Родина. 1991. № 6–7. С. 68–69.
13. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах. Том 6. Восстания, бунты и забастовки заключенных. М., 2004. 736 с.
14. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов. Том 2. Карательная система: структура и кадры. М., 2004. 696 с.

THE LATVIAN VESTIGE IN THE VYATLAG OF NKVD

N.Yu. Belykh

On the basis of archival materials, the author describes the tragic destiny of Latvian citizens interned in June 1941 and placed to the Vyatka correctional labour camp (Vyatlag) of NKVD (Kirov region) where they were kept as «prisoners under investigation».

Keywords: Latvians, citizens of Latvia, Vyatlag of NKVD, prisoners, death rate.